

Н. В. КОШЕЛЕВА, студентка БГУ

МИР ИСЛАМА ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX в.

Проникновение ислама в Северную Америку началось задолго до появления в ней истинных приверженцев этой веры. Первоначально образ ислама формировался под влиянием европейцев, которые на протяжении столетий находились в состоянии непримиримой конфронтации с мусульманским миром. Английские пуритане перенесли

на американскую почву давно сложившееся в Европе отрицательное представление об исламе как религии лжи, насилия и меча, как религии, потворствующей самым низменным человеческим страстям. Пророк Мухаммед в европейской интерпретации воспринимался не иначе, как антихрист. Поэтому неудивительно, что отношение к исламу в североамериканских колониях, а затем и в США до XIX в. было преимущественно негативным.

В XIX в. в научных кругах сформировались два неравнозначных подхода к исламской тематике. Одни исследователи, это была малочисленная группа интеллектуалов, пытались без предвзятости изучать мусульманский мир. Другие — поддерживали и даже укрепляли отрицательное отношение к исламу как религии грубой, невежественной и исключительно воинствующей.

Однако образ исламского мира у рядовых американцев формировали не академические исследования, а научно-популярная и художественная литература, как, например, романы В. Скотта и особенно сказки «Тысяча и одна ночь», неоднократно переиздававшиеся на протяжении всего XIX в. В 1873 г. Г. Бичер-Стоу издала серию из 9 наиболее популярных среди американцев книг. Весьма примечательно, что одной из двух, посвященных Востоку, были сказки «Тысяча и одна ночь». В предисловии к ним писательница отмечала магическое воздействие знаменитой арабской книги на молодого читателя¹. Большой популярностью также пользовалось произведение Т. Карлейля «Герои и почитание героев в истории», в котором ярко и красочно описана жизнь основателя ислама. «Наши ходячие гипотезы о Магомете, что будто он был хитрый обманщик, воплощенная ложь, что его религия представляет лишь одно шарлатанство и бестолковщину, в настоящее время начинают терять кредит в глазах всех людей»², — подчеркивал знаменитый английский писатель и мыслитель. Собственную интерпретацию жизненного пути пророка Мухаммеда, близкую к жанру исторического романа, дал В. Ирвинг, находившийся под влиянием Карлейля. Он был одним из первых американцев, кто пытался освободить пророка Мухаммеда от клейма лжеца³.

Именно чтение подобного рода литературы во многом провоцировало американцев на путешествия по мусульманскому Востоку (Турция, Египет, Палестина). Отправляясь туда, они уже имели определенный образ этого мира — либо совершенно негативный, либо экзотический, навеянный сказками Шехерезады.

на американскую почву давно сложившееся в Европе отрицательное представление об исламе как религии лжи, насилия и меча, как религии, потворствующей самым низменным человеческим страстям. Пророк Мухаммед в европейской интерпретации воспринимался не иначе, как антихрист. Поэтому неудивительно, что отношение к исламу в североамериканских колониях, а затем и в США до XIX в. было преимущественно негативным.

В XIX в. в научных кругах сформировались два неравнозначных подхода к исламской тематике. Одни исследователи, это была малочисленная группа интеллектуалов, пытались без предвзятости изучать мусульманский мир. Другие — поддерживали и даже укрепляли отрицательное отношение к исламу как религии грубой, невежественной и исключительно воинствующей.

Однако образ исламского мира у рядовых американцев формировали не академические исследования, а научно-популярная и художественная литература, как, например, романы В. Скотта и особенно сказки «Тысяча и одна ночь», неоднократно переиздававшиеся на протяжении всего XIX в. В 1873 г. Г. Бичер-Стоу издала серию из 9 наиболее популярных среди американцев книг. Весьма примечательно, что одной из двух, посвященных Востоку, были сказки «Тысяча и одна ночь». В предисловии к ним писательница отмечала магическое воздействие знаменитой арабской книги на молодого читателя¹. Большой популярностью также пользовалось произведение Т. Карлейля «Герои и почитание героев в истории», в котором ярко и красочно описана жизнь основателя ислама. «Наши ходячие гипотезы о Магомете, что будто он был хитрый обманщик, воплощенная ложь, что его религия представляет лишь одно шарлатанство и бестолковщину, в настоящее время начинают терять кредит в глазах всех людей»², — подчеркивал знаменитый английский писатель и мыслитель. Собственную интерпретацию жизненного пути пророка Мухаммеда, близкую к жанру исторического романа, дал В. Ирвинг, находившийся под влиянием Карлейля. Он был одним из первых американцев, кто пытался освободить пророка Мухаммеда от клейма лжеца³.

Именно чтение подобного рода литературы во многом провоцировало американцев на путешествия по мусульманскому Востоку (Турция, Египет, Палестина). Отправляясь туда, они уже имели определенный образ этого мира — либо совершенно негативный, либо экзотический, навеянный сказками Шехерезады.

Первые книги о странах мусульманского Востока, в основу которых положены свидетельства очевидцев, появились в США в конце XVIII первой четверти XIX в. В основном это были письма, воспоминания, а также повествования в жанре приключенческой литературы, в которых описывались, как правило, злоключения и страдания американцев, побывавших в плену у арабов Северной Африки. Р. Тилер, автор «Алжирского пленника»⁴, вкладывает в уста главного героя романа свои представления о пророке Мухаммеде, его религии и мусульманах, навеянные пребыванием в плену. Как ни парадоксально, он отказывается изображать ислам в качестве «ложной религии» и осуждает всякий фанатизм, от кого бы он ни исходил.

Однако основной поток публикаций, принадлежащих перу собственно путешественников, приходится на вторую половину XIX в. Для этого периода наиболее характерным было романтическое восприятие мусульманского мира. Только некоторые из путешественников за внешней нарядностью и пышностью обнаруживали отсталость, нищету и другие социальные проблемы. Большинство же, как бы увидело перед собой воплощение давно прочитанной сказки. Все вызывало восхищение, хотя многое было непонятно. Вуаль тайны, покрывающая лицо Востока, была такой же манящей и привлекательной, как и вуаль на лице восточной женщины. Однако пытавшихся «заглянуть» под нее, ожидало разочарование. Так, например, один из путешественников был обескуражен, когда ему удалось увидеть турчанку без покрывала: «Я ожидал увидеть восточную красавицу из «Тысячи и одной ночи», а встретил ледя»⁵.

Примерно так же обстояло дело и с восприятием мусульманского мира в целом. Сколько путешественников пытались постичь патриархальную простоту и безыскусность арабского общества, особенно таинство мусульманского обряда. Исламская молитва в большинстве случаев оставалась для американцев лишь набором странных слов и бессмысленных движений. Один из них (У. Линч) сравнил молящихся с овцами, иронично заметив, что «если судить по внешним проявлениям религиозности, то турки — самый верующий народ»⁶. Некоторые путешественники не только описывали, какое впечатление производил на них обряд призыва на молитву, но пытались даже переводить слова муэдзина на английский язык. Так, американский поэт Элджер в одном из своих стихотворений, названном «Призыв на вечернюю молитву», красочно описал завораживающую атмосферу восточного ритуала⁷.

Но что больше всего поражало путешественников, так это сочетание экзотики и простоты в жизни арабов, особенно, бедуинов. Буквально все американцы отмечали это обстоятельство и описывали жителей пустынь как суровых и гордых детей природы, противопоставляя им изнеженных роскошью обитателей арабских городов. Романтическое описание бедуинской жизни приковывало взгляды многих американских читателей, в том числе и знаменитого писателя и мыслителя, представителя трансцендентализма Г. Торо. В жизни бедуинов философ увидел подтверждение идеи о возможности спасения человека от современной цивилизации через сближение с природой. В своем творчестве он неоднократно обращался к арабской тематике, публикуя статьи, в которых описывал преимущества арабского образа жизни и мировосприятия⁸.

Постепенно в умах американцев формировался образ примитивного жителя пустыни, человека-отшельника, бесхитрого и сурового, как и сама природа, его окружающая. Именно этот идеалистический образ арабов-кочевников использовал В. Ирвинг в своей знаменитой книге «Жизнь Магомета»⁹. Некоторые американцы, наблюдая бедуинов, проводили параллели с хорошо знакомым им образом жизни индейцев. Другие же искали аналогии, обращаясь к истории своих предков, вспоминали патриархальность доиндустриальной эпохи, пуритан, олицетворявших добродетельный идеал простоты и скромности.

Описывая экзотику мусульманского мира, американцы не смогли сдержать чувства естественного превосходства, а порой и презрительного отношения к нему. Однако заслуга этих людей заключается в том, что они сделали первый шаг на пути ломки того образа мусульман, который сформировался за годы длительного противостояния с Европой. С этого времени начинается непосредственное знакомство американского общества с исламской цивилизацией, в результате чего качественно изменяется и само восприятие мира ислама.

¹ Shaban F. *Islam and Arabs in Early American Thought*. Durham, 1991. P. 178–179.

² Карлейль Т. *Теперь и прежде*. М., 1994. С. 39.

³ Ирвинг В. *Жизнь Магомета*. Ставрополь, 1992.

⁴ Tyler R. *The Algerine Captive*. 2 vols. Gainesville, 1967.

⁵ Shaban F. *Islam and Arabs...* P. 192.

⁶ *Ibid.* P. 192.

⁷ *Ibid.* P. 190–191.

⁸ Thoreau H. D. *Journal*. New York, 1962. P. 189–190.

⁹ Ирвинг В. *Жизнь Магомета*. С. 13–14.